

ПРЕМЬЕРЫ

«Галине» — в звездную визу

«О, край родной, мне не выдать тебе, мне не выдать тебя уж никогда! О, край родной, прощай навсегда!» — с ведущей партией в опере Дж. Верди «Аида» началась когда-то в Большом театре блестящая карьера Галины Вишневской. Затем было множество ролей — Татьяна, Лиза, Баттерфляй, Тоска, Марфа, Виолетта, Наташа — десятилетия сценической жизни, славы, успеха, любви зрителей. Но избранная по собственному желанию первая роль — роль эфиопской царицы, вынужденной жить в разлуке со своей родиной, спустя 22 года трагическим образом преломилась в судьбе артистки. В 1978 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Галина Вишневская и ее муж — замечательный дирижер и лучший виолончелист мира М. Л. Ростропович — «за действия, нанесшие ущерб престижу СССР», были лишены советского гражданства.

Беседа с Галиной Павловой состоялась в Париже во время съемки передачи «Браво!» для советского телевидения. Мы говорили о книге Вишневской «Галина», которая уже опубликована в 16 странах мира и наконец приходит и к нам.

— Для меня это очень важно, — замечает Галина Павлова, — не зря у нас в религии, у православных, есть Прощеное воскресенье. Если в этот день даже самый заклятый враг придет и скажет: «Прости!», ты должен его простить. Это во благо одному и другому, очищение обоих.

— Верно, и хочется надеяться, что «герои» вашей книги, и ныне процветающие, смогут пройти этот путь — очищения и искреннего покаяния. В своей работе над

книгой вы напрочь перечеркнули мнение о том, что артисты думать не любят. С чего началось ваше творчество?

— Писательского опыта у меня никакого не было, я и писем-то не пишу никогда — терпеть не могу, поэтому объединилась с одной очень талантливой женщиной музыковедом Дорой Ромадиновой. Я наговаривала ей пленки, отвечала на вопросы, но когда она начала писать, то это оказалось такое несовпадение темпераментов! Это была не я, не мой язык, меня все безумно раздражало, я цеплялась к каждому слову на каждой странице... так и оставила эту идею. А потом, через некоторое время, думаю — что же делать? что делать? Дочь мне говорит: «Ты должна написать книгу, потому что когда-нибудь тебя не станет, и вокруг тебя выдумают такие истории...» Я сидела несколько дней за столом и не могла начать. Идеи никакой нет. А потом — как помню себя, думаю, так и надо начать. И пошло. И так пошло — я не могла остановиться! Первым издателем стал Владимир Максимов.

— На Западе не принято писать авторам, но знаю, что у вас была большая почта, и критика живо откликнулась.

— Да, у меня целое досье — мешок этих рецензий и писем. А. Солженицын, когда прочитал рукопись (я должна была ему показать, т. к. там о нем есть большой кусок), сказал, что ему очень понравился мой язык, невероятно, да? Можете себе представить, что, когда он читал книгу, он слышал мой голос.

— Читая «Галину», я все время ощущала ваше неприятие системы, идеологии, хотя вместе с народом вы пережили самые тяжелые годы: войну, ленинградскую блокаду, лишения и тяготы послевоенной жизни.

— Я русская женщина, я

люблю свой народ, я сама плоть от плоти этого народа, но для меня стало невозможным переживать бесконечные запреты и унижительные «нельзя». Разве не трагедия?

— Как думаете, служба в Министерстве культуры исключает возможность оставаться умным, порядочным, благородным человеком?

— Вы знаете, когда я смотрю на Николая Губенко, — он такой милый человек, чудесный артист, — я думаю: «Боже мой, какой же вы несчастный человек, и зачем вы туда пошли. В этой системе нужен, вероятно, какой-то горлодер, который будет глоткой чего-то добиваться. Вообще в этой системе все что угодно может быть! Была же министр Фурцева, которая взятки брала, — я сама ей дала 400 долларов»

— Как?!

— Вот здесь, в Париже. Я в книге об этом пишу. Взяла и сказала: «Спасибо», а я вся мокрая была от волнения. Это чтобы по моему контракту другая певица не поехала, а я как будто бы заболела. Так часто делали, посылали телеграммы от нашего имени в различные театры мира.

— А когда вы уезжали с семьей, были заранее подготовлены какие-то контракты?

— Какие контракты! Уехали с детьми от этой ситуации, от того, что они творили с нами.

Перед отъездом из страны Фурцева пригласила: «Кланяйтесь в ножки Леониду Ильичу — он лично принял решение о вашем отъезде. Оформим как творческую командировку...»

— Насколько я знаю, Леонид Ильич и в дальнейшем о вас позаботился, лишив советского гражданства в 1978 году.

— Да, но сейчас, когда нам вернули гражданство, никто даже не извинился, не предложил вернуться, сохранилась

такая великодержавная манера: «Вернуть гражданство». А если я не возьму? Я ведь не крепостная. Мы, между прочим, и не взяли до сих пор никакого гражданства. Когда Указ, подписанный М. Горбачевым, вышел, мы поблагодарили, отметили, что «принимаем это как извинение правительства в совершенном поступке, но менять через 16 лет нашу жизнь не имеем возможности». Сейчас у нас здесь дети, у детей семья, внуки растут, и подвергать их жизнь той опасности, что пережила я и мой муж, мы не имеем права. Хватит с нас!

— А как вы первое время здесь жили?

— Ну, всю эту роскошь, которую вы видите, нужно было зарабатывать. Принимали нас здесь прекрасно. Я много выступала, ездила, меняла театры. Конечно, все это сложно, бесконечные перемены: Ростропович — в одну сторону, я — в другую, дети то в Швейцарии жили, то в Америке, — это трудно. Нужно было кому-то семью собирать, на мне все и было.

— В последние годы вы выступаете, даете концерты?

— Нет, все. Хватит. Надо или работать в полную силу, или не выступать. Это ведь только у нас возможно, в России, в 90 лет выйти и петь. Потому что есть свое место, есть поклонники. Здесь же мы гастролеры, перелетные птицы. В Гранд-Опера, например, невозможно представить, чтобы что-то там для тебя делали, юбилей отмечали. В Союзе мы привыкли работать в одном театре, в ансамбле, все нас знают, это наш дом, часто даже больше, чем дом!

— А сейчас, будучи в Москве по случаю презентации книги «Галина», вы не пойдете в театр?

— Зачем будоражить во мне чувства?

А. ПУГАЧ.